

Шишкин В.В. Кардинал и королева: борьба за власть при дворе Франции в 30-е годы XVII века // Искусство власти. Сборник в честь Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2007. С. 302 – 317.

«Когда болит сердце, страдает и все остальное; когда волнуется двор, это отражается на всем государстве», - писал кардинал Ришелье, главный министр Людовика XIII, сравнивая парижский двор с сердцем Франции, подчинить который он пытался все восемнадцать лет своего министерства[1]. Спокойствие и благополучие страны, ее ведущая роль в Европе, по его мнению, напрямую зависели от поведения двора и собственного положения главного министра. Любая удачная попытка придворных интриганов отстранить кардинала от власти могла привести к повороту всего политического курса Франции. Поэтому Ришелье считал, что должен жестко пресекать даже малейшие проявления придворного недовольства, пользуясь неограниченным доверием короля и опираясь на своих помощников в королевском совете и сторонников при дворе - «кардиналистов», «креатур кардинала», как их называли современники.

Тридцатые годы XVII века явились пиком противостояния Ришелье и дворянской оппозиции, когда едва ли не ежегодно министру приходилось сталкиваться с серьезными заговорами при дворе, подавлять дворянские волнения на фронте и в провинциях, следить за эмигрантскими лагерями Марии Медичи и Гастона Орлеанского, матери и брата короля. Резидент австрийского императора во Франции докладывал в Вену, описывая двор после бегства мятежных королевы-матери и герцога Орлеанского из страны: "Двор страдает от отсутствия первых сеньоров государства, которые находятся за границей, а принц де Конде и граф Суассонский пребывают в

тайном неудовольствии, испытывая ненависть к креатурам кардинала. Двор переполнен шпионами, которые находятся повсюду, исполненные лжи, обмана, фальши и лицемерия"[2].

Французский двор был инициатором и вдохновителем всех видов борьбы знати с короной, и поэтому главный удар Ришелье наносил именно по нему как центру оппозиции, пытаясь лишить силы этот очаг дворянского неповиновения, подчинить его королю. Мы попытаемся бросить взгляд на придворные партии и группировки, определив состав их участников, а также мотивы и цели оппозиции, способы борьбы и причины поражения мятежников.

К моменту прихода кардинала Ришелье к власти (1624), французское общество оставалось политически поляризованным и религиозно разобщённым, что было наследием длительных гражданских потрясений предыдущей эпохи. В литературе того времени выделялись два главных противоположных политических лагеря, называемых «партиями» - «благочестивые» (*devots*) и «добрые французы» (*le bons francais*). Конечно, это были не партии в современном нам смысле политических организаций с четкими целями, задачами, программами, оргструктурой и партийным членством, а скорее – рыхлые общественные объединения, объединявшие лиц высокого социального положения на основе определенных доктрин. Так, "благочестивые" являлись духовными и политическими преемниками Католической лиги XVI в. и ее идеалов, получив свое название от сочинения Св. Франсуа де Саля «Введение в благочестивую жизнь» (1607), которое стало к тому же настоящей идеологической основой движения. Исполненные религиозного нетерпения, они требовали от короны отмены Нантского эдикта 1598 г., предоставляющего гугенотам политические свободы, захвата всех протестантских крепостей во Франции, союза с папой и католическими

державами, Испанией прежде всего, а также восстановления политических привилегий дворянства[3]. Идеи «благочестивых» получили особенное распространение в дворянской среде, раздраженной растущим авторитаризмом королевской власти, которую представлял главный министр. Второе сословие использовало всякую возможность предъявлять короне свои претензии на участие в делах королевства, тем более что существовало оформленное идеологическое обоснование протеста.

Уже во второй половине 20-х гг. партию «благочестивых» возглавили обе королевы Франции - мать и жена Людовика XIII Мария Медичи и Анна Австрийская, недовольные своим полным отстранением от всяких государственных дел и усилением влияния Ришелье, который не допускал их до власти и не считался с их мнением. Особенно была обижена королева-мать, так как своим возвышением кардинал был обязан только ее покровительству. Однако с первых же шагов Ришелье в качества главы королевского совета ей стало ясно, что его политика, как внешняя, так и внутренняя, прямо противоположна ожидаемой. Испания была также заинтересована в победе при французском дворе партии «благочестивых», поскольку это бы отодвинуло вступление Франции в Тридцатилетнюю войну, где решалась судьба испанской гегемонии и единства католического мира. Анна Австрийская рассматривалась главной опорой испанцев во Франции. Огромную роль в распространении идей «благочестивых» играли иезуиты, под влиянием их находились обе королевы. Последние искали всевозможные пути давления на Людовика XIII, чтобы он сместил Ришелье и, изменив политический курс, разорвал бы связи с протестантскими государствами, вступил в вечный союз с Испанией и искоренил гугенотскую религию. Конечно, не все сторонники Марии Медичи и Анны Австрийской безоговорочно разделяли эту программу, многие относились к ней

скептически в силу откровенной реакционности духовных идеологов «благочестивых», однако мирились с ними, рассчитывая на восстановление влияния на короля членов его семьи и последующие за этим личные выгоды.

Партия «добрых французов» сформировалась как преемница общественного направления конца XVI в. – движения «политиков», противопоставлявших себя Католической лиге и поддерживавших короля Генриха III. «Политики», среди которых было много представителей высшей бюрократии и нового дворянства, безоговорочно поддерживали сильную королевскую власть, которая подняла их на высоту социального положения, и провозглашали терпимость ко всем религиозным конфессиям[4]. Именно они помогли Генриху Наваррскому взойти на трон Франции в 1589 г. и обеспечить проведение новой политики веротерпимости. После смерти Генриха IV (1610) «политики» все чаще стали называть себя «добрыми французами», объясняя это желанием добиваться того, чтобы королевская политика проводилась во имя общенациональных интересов Франции и доминировала над устремлениями влиятельных клиентелл и группировок. "Политики" были, несомненно, преданы католической религии, но придерживались точки зрения о необходимости самостоятельности галликанской церкви по отношению к Риму, являясь как бы посредниками между гугенотским индивидуализмом и римско-католическим универсализмом. «Добрые французы» выступали против притязаний «благочестивых» на восстановление господства католичества во Франции и в Европе, призывая проводить политику, продиктованную исключительно «государственным интересом»[5]. Среди сторонников этого движения также было много новых дворян, столичных чиновников, юристов-парламентариев, членов королевской клиентеллы.

Став у руля власти как креатура Марии Медичи, кардинал Ришелье первоначально воспринимался как один из главных лидеров «благочестивых», но уже к концу 20-х гг. большинство «добрых французов» признали его главным проводником и продолжателем курса Генриха IV. Если в 20-е гг. Ришелье еще не имел четкой программы действий, что показала А. Д. Люблинская, то к 1630 г. приоритеты внешней и внутренней политики были сформированы[6]. Исходя из «государственного интереса» Франции, определять который вызывался он сам, главный министр соблюдал условия Нантского эдикта, хотя и довел до логического конца упразднение политической организации гугенотов - конфедерации протестантских городов (1629), заключал нужные союзы с не-католическими странами и демонстрировал неприязнь к Испании, давая ей понять, что война неизбежна. Он приблизил к себе всех, кто выражал ему свою поддержку, наполняя королевский совет и штат двора верными себе дворянами и не допуская к властным рычагам высшую аристократию и оппозиционно настроенных дворян. «Благочестивые» не желали мириться с таким положением дел и предпринимали отчаянные попытки изменить ситуацию, свергнув кардинала любым путём.

Наиболее распространенными методами борьбы при дворе были интриги и заговоры, а их инициаторы объединялись, согласно мемуарной литературе, в партии, фракции и группировки. Интриги всегда подготавливали заговор, и хотя, как правило, интриганов-организаторов было немного, по мере перерастания интриги в заговор число участников предприятия увеличивалось до возможности создания политического объединения. Самыми организованными и устойчивыми из них были партии. Словом «партия» в XVII веке назывались не только два противоположных общественных направления – «благочестивые» и «добрые французы», но и

самые крупные дворянские клиентеллы знатнейших вельмож и членов королевской семьи.

Клиентелла являлась порождением эпохи нового времени, придя на смену канувшему в лету феодальному вассалитету. Самые знатные и влиятельные в королевстве аристократы - гранды - стремились обзаводиться собственной свитой из родовитых дворян, создавая себе опору для усиления влияния при дворе и в провинции. Так, губернаторы провинций вербовали в свое окружение провинциальных дворян, представляя их интересы в Париже, а столичная знать группировалась главным образом вокруг оппозиционных членов семьи короля. Изъявляя преданность своим патронам вплоть до участия в антиправительственных делах, члены клиентелл в благодарность за службу требовали от них материальных благ и прочих милостей, в частности, выгодных назначений в армии, администрации или в штате двора[7]. Одной из главных причин дворянского недовольства, по мнению французской исследовательницы А. Жуана, было как раз то, что клиенты одного из патронов, отстраненные вслед за ним от королевской милости, обладали потенциальной потребностью к мятежу с целью возвращения королевского внимания. Готовые бороться с несправедливостью политики короны, вернее с теми, кто ее представляет, дворяне оказывали давление на своих патронов, чтобы заставить их возглавить оппозиционное движение. Боясь потерять свой авторитет среди клиентеллы, последние часто были просто вынуждены вступать в конфронтацию с короной, пытаясь различными способами принудить монарха пойти на уступки. Однако по мере усиления абсолютистских позиций королевской власти в 30-е гг. XVII века на такой шаг решались только члены королевской семьи. Многие гранды не хотели повторять неудачный опыт восстаний эпохи регентства Марии Медичи (1610-1617) и рисковать своим положением. Лишенные всякой политической

власти, они мирились с существующим режимом в обмен на поток привилегий и милостей - губернаторств, почетных sinecur при дворе и командных постов в армии[8].

Дворянские партии – клиентеллы - не были организациями с четкой дисциплиной, уставом и правилами функционирования. Обязательства клиентов своим патронам были весьма расплывчаты и каждая из придворных партий часто формировалась спонтанно. Окружение грандов без конца менялось как вследствие королевских репрессий, так и по волеизъявлению отдельных лиц, искавших более выгодную службу. Огромную роль в формировании партий - политизированных клиентел - играли семейно-родовые связи и протекционизм. Целые семейные кланы служили своему патрону и помогали развивать сеть клиентов за счет своих друзей и родственников. Дворянские фамилии только в редких случаях расходились по враждующим лагерям. Термины «фракция» и «группировка», как правило, отражали количественные характеристики партии. Иногда родственные по духу партии образовывали целый союз, как, например, случилось в 1630 г., когда для свержения Ришелье клиентеллы Марии Медичи и Анны Австрийской объединили свои усилия под знаменем идей «благочестивых».

Заговор осени 1630 г. как казалось, закончившийся полной победой обеих королей и отстранением Ришелье от власти, на деле обернулся трагедией для двора. День 10 ноября, когда Людовик XIII неожиданно восстановил кардинала в его полномочиях, получил название, с подачи графа де Ботрю, "Дня одураченных": многие дворяне-сторонники Марии Медичи и Анны Австрийской были арестованы, высланы в провинцию или бежали за рубеж[10].

Движению «благочестивых» был нанесён колоссальный удар, от которого оно уже не смогло оправиться и набрать прежнюю силу. С этого

времени влияние «кардиналистов» становится преобладающим при дворе. Клиентелла Марии Медичи пострадала более всего, и после бегства королевы-матери за границу в испанские Нидерланды, прекратила существование во Франции.

В последний год пребывания Марии Медичи во Франции в её окружении доминировали две фамилии: герцоги де Гиз-Лотарингские и принцы де Бурбон-Конде. Дом Гизов возглавлял герцог Шарль де Гиз, сын претендента на корону в эпоху религиозных войн Генриха де Гиза, губернатор Прованса. Он считал, что Ришелье нарочно отстраняет его семью от важных назначений и удаляет от двора. Это действительно имело место, так как при дворе еще были живы воспоминания о прежней силе Гизов и печальной судьбе последних Валуа. Герцог присоединился к заговору Марии Медичи и после его крушения бежал во Флоренцию, где и умер. Его женой была Генриетта де Жуайез, близкая подруга королевы-матери ещё со времён Генриха IV, в первом браке герцогиня де Монпансье, мать первой жены Гастона Орлеанского Марии де Монпансье, т.е. родственница королевской семьи. Она удержалась при дворе, но безуспешно хлопотала о разрешении вернуться своему мужу во Францию.

В феврале 1631 г. Ришелье продолжал чистку двора. В послании маршалу д'Эстре он писал: «Сегодня король решил удалить от двора и из Парижа четырёх знатных дам, замешанных в недавних интригах: принцессу де Конти, урожденную Луизу-Маргариту Лотарингскую; герцогиню д'Орнано, урожденную Рене Лотарингскую, кузину первой; герцогиню д'Эльбёф, дочь Генриха IV; вдову коннетабля де Ледигьера, урожденную Марию Виньон»[11]. Все перечисленные дамы принадлежали к клану Гизов и сторонников королевы-матери. Принцесса де Конти, сестра Шарля де Гиза была выслана и умерла в ссылке. Герцогиня д'Орнано, будучи вдовой Жана-

Батиста д'Орнано, маршала Франции, посаженного в Бастилию по воле Ришелье и там скончавшегося, сочла своим долгом поддержать Лотарингский дом и отомстить за смерть мужа. Герцогиня д'Эльбеф, Екатерина-Генриетта, незаконная дочь Генриха IV и жена герцога Шарля II д'Эльбёф-Лотарингского, также вместе с мужем боролась против влияния кардинала. Герцог д'Эльбеф в 1631 г. в составе свиты Гастона Орлеанского бежал за границу, где присоединился к Марии Медичи и вернулся во Францию только после смерти Людовика XIII. Судя по составу участников заговора 1630 г., первую роль в нем играли принцы Гиз-Лотарингского дома, объединившие усилия своего фамильного клана и клиентов с тем, чтобы с помощью Марии Медичи добиться восстановления былого могущества при дворе. Они принимали во внимание и непростую династическую ситуацию в доме Бурбонов, продолжая надеяться если не на обретение, то на максимальную родственную близость к короне Франции.

Предотвратить своё падение Ришелье удалось, согласно мемуарам герцога де Ларошфуко, во многом благодаря давнему соперничеству кланов Гизов и герцогов де Монморанси. Генрих II де Монморанси предупредил о грозящей министру опасности, желая фиаско конкурирующей клиентелле. В благоприятном случае он надеялся на благодарность кардинала [12].

Провал заговора Марии Медичи и Анны Австрийской повлёк за собой важные изменения при дворе, и, прежде всего, перегруппировку оппозиционных сил, пересмотр взглядов на формы борьбы. Очевиден был распад мощного клана Гиз-Лотарингских, который с этого момента начал сходиться с политической сцены, а вместе с ним происходило крушение движения «благочестивых» и всего наследия Лиги XVI века. Боязнь возмездия короны, которая еще более укрепила свои позиции, заставила многих аристократов-участников заговора бежать вслед за королевой-

матерью и братом короля за рубежом, во враждебные Франции страны – испанские Нидерланды и герцогство Лотарингское. Оставшиеся при дворе дворяне, разочарованные неудачей, вынашивали планы свержения министра более радикальным путем – путем открытого мятежа. Неудача мирной формы борьбы провоцировала на более решительные действия. Третьим следствием заговора 1630 г. было то, что оппозицию при дворе возглавила царствующая королева Анна Австрийская, в 1632-1637 гг. практически в одиночку противостоявшая Ришелье. Принц де Марсийак, будущий герцог де Ларошфуко писал: «Владычество кардинала Ришелье показалось мне вопиющей несправедливостью, и я решил для себя, что партия королевы - единственная, к которой по долгу чести мне подобает примкнуть» [13].

Поражение «благочестивых» вовсе не было предрешено, более того, они были почти на грани успеха. Однако «кардиналисты» в последний момент смогли уговорить короля вернуть Ришелье. Клиентеллу Марии Медичи разлагали внутренние взаимные ссоры грандов, их самонадеянность, открытая конкуренция с другими клиентеллами и невозможность вследствие этого прочного политического союза. «Кардиналисты» выгодно отличались от них единством действий, хорошей организацией и главное, покровительством короля. Личные претензии к Ришелье смыкались с политическими требованиями к короне, и потеря всякой власти Марией Медичи означала крах ожиданий её клиентов. В 30-е гг. многие гранды отказались от всяких форм борьбы с короной, пассивно наблюдая за событиями. Правда, часть из них находилась в эмиграции, другая присоединилась к мятежу герцога де Монморанси в 1632 г., но большинство предпочитало искать мирные пути влияния на дела королевства, используя для этого институт двора и тайное кредитование короны [14]. В активную борьбу вступило молодое поколение придворных, главным образом из

среднего дворянства, взяв на себя почетную обязанность устранения Ришелье. Знаменем «благочестивых» стала Анна Австрийская.

Анна Австрийская была первой царствующей королевой Франции, рискнувшей открыто вмешаться в большую политику [15]. Несомненно, здесь сказалось то, что королева была испанкой, где женщины допускались к наследованию трона и становились правительницами страны в случае временного отсутствия монарха. Анна Австрийская, в течение нескольких лет являвшаяся наследницей испанского трона до рождения своего брата Филиппа, в одиннадцатилетнем возрасте стала невестой Людовика XIII. Исполненная собственного величества, как никакая другая французская королева, Анна прибыла во Францию уже с определенными политическими взглядами. Перед отъездом ее отец Филипп III дал дочери такие наставления: «Помните, что Вы – испанка, и нужно не допустить, чтобы Ваш муж разрушил связи между нашими государствами» [16]. Этим инструкциями королева следовала вплоть до 1637 г. - времени прекращения своей открытой борьбы с кардиналом.

Чувство долга испанской принцессы заставляло ее поддерживать тесные отношения с испанским посольством в Париже и информировать Мадрид обо всех важных моментах французской политики [17]. Также королева пыталась оказывать влияние на своего мужа, особенно до 1624 г., что было довольно заметно. Однако после начала министерства Ришелье отношения супругов испортились благодаря вмешательству кардинала, а также ревности королевы-матери. В частности, Ришелье сумел представить Людовику XIII, что Анна занимается делами, не соответствующими ее предназначению. Лишенная прежних отношений с супругом, королева втягивается в политические интриги и объявляет кардинала своим личным и политическим врагом. С помощью своей подруги Марии де Шеврез, жены обер-камергера

двора герцога Клода де Шевреза, Анна Австрийская завязала отношения с высшей аристократией и явилась организатором и участницей практически всех крупных заговоров против Ришелье, желая путём его устранения повернуть внешнеполитический руль Франции на происпанский курс и добиться мира между королевствами ее мужа и её брата. На это ее толкал не только долг и происхождение, но также желание отомстить кардиналу в угоду своим амбициям. Она не скрывала, что считает Ришелье временщиком в королевском совете и намерена следовать опыту своей матери Маргариты Австрийской, которая после долгих лет борьбы с первым министром Испании герцогом Лермой добилась его падения [18].

После бегства Марии Медичи и Гастона Орлеанского оппозиционные придворные объединились вокруг фигуры Анны Австрийской во многом благодаря тому, что она оставалась единственным членом королевской семьи, кто еще противостоял кардиналу. Очевидно также, что никто из них не видел в Анне лидера, но она сама и её дом были удобной ширмой для осуществления враждебных Ришелье планов. Придворным заговорщикам из среднего дворянства и грандам требовалось покровительство королевы, в которое вкладывали священную природу. Помощь и совет королеве считались почетным долгом, и каждый дворянин полагал за честь стать на сторону притесняемой государыни, выдержав экзамен на звание придворного через участие в заговоре. Преданность Анне Австрийской рассматривалась как форма протеста против «тирании» Ришелье. Королева скорее была символом борьбы, боготворимым идеалом, ради которого можно было выражать недовольствие проводимой политике и чувствовать себя обязанным поддерживать все оппозиционные настроения. Так думал Ларошфуко, описывая двор 1630-х гг.[19].

Однако были и иные мотивы для присоединения к партии Анны Австрийской, более циничные, прозорливые и меркантильные. Так, Эдм де Ла Шатр писал в своих мемуарах: «Видя, что нет повода надеяться на внимание к себе, пока кардинал Ришелье всемогущ, и так как я не мог безропотно ему подчиняться, тем более, что я поддерживал такие дружеские связи и контакты, которые могли бы ему показаться подозрительными, я посчитал, что должен подумать и принять сторону какой-нибудь другой партии, к которой однажды могла повернуться фортуна. Размышляя об этом, я не нашел ничего ни более справедливого, ни более обнадеживающего, чем партия королевы, потому что король был очень болен, и не мог дожить до того, как его сын достигнет совершеннолетия, а регентство неминуемо должно, спустя немного лет, попасть в руки этой государыни <...>, которая неспособна забыть тех, кто был близок к ней во времена ее немилости"[20]. Речь идет о 1638 г., когда Анна Австрийская произвела на свет долгожданного дофина Людовика, хотя и не улучшила этим существенно своё положение при дворе. Однако Людовик XIII был уже серьёзно болен и действительно вставал вопрос о регентстве после его смерти. Интересно, что Ришелье был уверен, что удержится у власти, найдя общий язык с королевой.

Своеобразие двора Анны Австрийской заключалось в том, что составляющие его придворные менялись едва ли не ежегодно, как правило, после неудачи очередной интриги. Граф де Бриенн, государственный секретарь, клиент Ришелье, симпатизирующий королеве, писал: «Его Высокопреосвященство хотел видеть в окружении королевы только выбранных по его желанию лиц»[21]. Главную роль в этом окружении в 30-е гг. играли знатные дамы, которые, предчувствуя неминуемую ссылку, пытались за короткий срок сделать как можно больше для партии королевы. Ришелье уделил им особое внимание в своём «Политическом завещании»:

«...Фракции и волнения могут проистекать скорее от вмешательства женщин; женщины наиболее опасны, нежели мужчины, так как в их природе заложены разные виды обольщения, способные передвигать, колебать и опрокидывать кабинеты, дворы и государства, что является таким тонким и изворотливым злом, какое только может существовать» [22]. Политическая активность дома королевы, между тем, недостаточно оценена в литературе. Так, Ж.-М. Констан вообще не увидел его самостоятельной силы, сделав вывод, что от мятежа Монморанси 1632 г. до заговора Гастона Орлеанского 1637 г. не было серьёзных попыток устранить Ришелье [23].

Нельзя недооценивать возможности окружения Анны Австрийской, которое только на первый взгляд кажется слабым, неорганизованным и пассивным по сравнению с другими партиями. События 1632 и 1637 гг., когда были предприняты серьезные попытки королевы и герцогини де Шеврез влиять на политику Франции, свидетельствуют о решительности клиентеллы королевы Анны.

В первом случае заговорщики действовали по старой схеме, стремясь заменить Ришелье своей креатурой - лицом, которое пользовалось также доверием короля и было бы влиятельно в стране. В 1630 г. такой вариант не удался, и ставленник Марии Медичи, видный правовед и хранитель печати Франции Марийак, уже было взявший в свои руки бразды правления, был отправлен в тюрьму. Но идея предложения королю более молодого и энергичного министра оставалась популярной. Таковым мог стать, по мнению герцогини де Шеврез, новый хранитель печати Шатонеф, считавшийся клиентом кардинала. Осенью 1632 г., после подавления вооруженного мятежа на юге Франции и казни организатора – герцога де Монморанси, равно как и части его сторонников, многие дворяне были возмущены суровостью наказания. Настроениями двора попыталась

воспользоваться Анна Австрийская и ее окружение, предполагая, что настало время использовать всеобщую ненависть к Ришелье и предложить иную кандидатуру на пост главного министра. Шатонеф переметнулся на сторону королевы, предав Ришелье, но ошибся, ожидая, что другие советники и его подчинённые последуют его примеру. Окружение кардинала в совете вновь отстояло своего патрона, блокировав все действия хранителя печати, равно как и королевы. Анна недооценила степень корпоративной преданности Ришелье со стороны его административной клиентеллы и лояльность штатных придворных [24]. С этого момента главной целью всех мятежников и заговорщиков становится физическое устранение Ришелье как единственно возможный путь спасения от диктаторского режима. Все участники заговора осени 1632 г. подверглись разного рода репрессиям – главным образом тюремному заключению и ссылкам [25].

Пострадали прежде всего дамы из семейства Роганов - герцогиня Мария де Шеврез и ее кузина принцесса де Гемене, Анна де Роган. Последняя, одна из самых образованных аристократок Франции, была предана Анне Австрийской и без конца интриговала против Ришелье [26]. Ей было предписано покинуть Париж, также, как и герцогине де Шеврез, ближайшей наперснице королевы. Вообще, Шеврез играла такую же роль в жизни Анны, какую играл Ришелье в жизни Людовика XIII. Именно она уже из ссылки толкнула королеву на очередной заговор в 1637 г. После 1632 г, Анна Австрийская оказалась ещё в большей изоляции, чем прежде. Недооценивая прочность альянса "кардинал – король" и всю силу кардиналистов при дворе, царствующая королева пыталась просто представить Людовику XIII нового главу королевского совета, своего ставленника, добиваясь отставки одиозного министра и смены политических ориентиров. В этом ей помогали главным образом клиенты из семьи Роганов

и старый герцог д'Эпернон, единственный из грандов, кто решился после казни первого барона страны Монморанси сразу же поддержать королеву. Решившись стать во главе заговора, Анна становилась основной оппозиционной кардиналу, а значит и королю, фигурой в стране. Маски были сорваны и война была объявлена. Для Анны Австрийской 30-е годы стали черными временами.

Необходимо сказать, с другой стороны, что традиционное представление о кровавом режиме Ришелье не соответствует истине. На самом деле, в эпоху его министерства дворян на плахе пострадало не больше, чем в иные правления, иное дело, что многие заговорщики оказывались в тюрьмах и ссылках, причём последним кардинал отдавал явное предпочтение. Свои мысли в этой связи он выразил в "Политическом завещании": "Не существует большей беды, настолько способной погубить государство, как льстецы, злые языки и определенные умы, желающие только устраивать заговоры и плести интриги при дворе. Нужно изгонять носителей этой общественной заразы и никогда не приближать их, пока их злоба полностью не исчезнет..."[27].

Чтобы обеспечить стабильное царствование монарху и продолжить курс на усиление его власти, Ришелье полагал навсегда избавляться от тех, кто хотя бы однажды в чем-то проявил свое неповиновение короне. Наилучшим способом наказаний он видел ссылку в провинцию, что было особенно тяжело после насыщенной событиями жизни при дворе, для многих дворян – единственного источника обогащения или даже существования. Поэтому неудивительно, что некоторые придворные в 30-е гг. предпочитали открыто не выступать против существующего политического режима, может, только втайне сочувствуя оппозиционным партиям. Но все же значительная часть благородного сословия при дворе считала себя обязанной "быть

мятежной"[28]. Так, Ларошфуко в событиях 1637 г. предпочел выступить на стороне королевы и поплатился за это шестью годами, проведенными вдали от двора: «Мой отец и г-н де Шавиньи (*один из клиентов Ришелье - В.Ш.*) решительно заявили, что мне никогда больше не видать двора, если я позволю себе отправиться в Тур по просьбе королевы, где пребывала (*в ссылке – В.Ш.*) г-жа де Шеврез»[29].

Герцогиня де Шеврез была единственной дамой из числа высшей знати, допущенной в постоянную свиту королевы. После 1630 г. Ришелье простил ей интриги 20-х гг. в обмен на слежение за королевой, в чем просчитался. Остальные знатные аристократки вслед за своими мужьями либо были удалены в провинцию, либо не проявляли оппозиционных настроений. Тем не менее ни одна герцогиня или принцесса не входила в штат дома королевы, только изредка сопровождая ее при больших церемониях. Ришелье и Людовик XIII не могли допустить создания сильных дворянских клиентелл при дворе и внимательно следили за столичными грандами. Не меньшую опасность кардинал видел и в родовитом дворянстве, ставшем особенно активным после "Дня одураченных". Ришелье писал, что «недостаточно просто удалять грандов по причине их могущества; необходимо делать то же самое и с остальными по причине их озлобленности. Все они являются равно опасными»[30]. Активность среднего дворянства свиты королевы особенно возросла после начала военных действий против Испании и блока Габсбургов в 1635 г., когда Франция вступила в Тридцатилетнюю войну. Ларошфуко свидетельствует, что неудачи на фронтах в первые два года "оживили различные группировки и породили среди врагов кардинала умыслы на его власть и даже на самое жизнь"[31].

Испанке Анне Австрийской было тяжело воспринимать войну с ее родиной - то, чему она обязалась воспрепятствовать перед своим домом, и это обстоятельство привело ее к организации очередного заговора, последнего в ее жизни. Необходимо заметить, что ее новое окружение, сформировавшееся в 1632-1633 гг., за четыре года консолидировало свои ряды и подтолкнуло королеву на новый заговор. Дамы сыграли в нем решающую роль. Будучи отрезанной от ссыльных друзей, Анна Австрийская сумела обеспечить с ними постоянные контакты, в частности, со ссыльной герцогиней де Шеврез и членами семей Гизов и Роганов. В ее придворном штате и свите также находились преданные ей представители фамилий Ларошфуко (принц де Марсийак, будущий герцог-мемуарист Франсуа VI, его кузина - гофмейстерина маркиза де Сенесе, ее дочери, и др.), Мотье де Ла Файетт (духовник королевы Франсуа, епископ Лиможский, наставница фрейлин Эстер, ее дочь Изабелла и племянница Луиза-Анжелика), Отфор (фрейлина Мария и ее бабка мадам де Ла Флот, хранительница гардероба и драгоценностей королевы) и Комменж (Франсуа, сир де Гито, капитан гвардии королевы, др.), не считая иных, менее знатных семей. Все они были связаны друг с другом родственными и дружескими узами и составляли клиентеллу королевы [32].

Анна Австрийская, однако, не была готова к заговору и опасалась за свою судьбу после падения Шатонефа. Окружённой шпионами, опальной королеве было чрезвычайно сложно осуществлять функцию посредницы между эмиграцией и внутренней оппозицией при дворе и в провинции - этим, очевидно, объясняется её относительное политическое молчание после 1632 г. Только начавшаяся война предопределила решение королевы хоть каким-нибудь способом подорвать положение Ришелье. Анна выбрала дипломатический вариант, поскольку прежние формы и методы борьбы ни к

чему не привели. В 1636-1637 гг., с помощью своих клиентов она создала хорошо отлаженную сеть обмена корреспонденцией с Лотарингией, Англией и испанскими Нидерландами, пытаясь добиться дипломатического давления со стороны европейских стран на Людовика XIII, раздраженного неудачной войной, которую поддерживал Ришелье [33]. Однако кардинал вновь успел перехватить инициативу, представив дело королевы как предательство интересов Франции, что до сих пор поддерживается в литературе [34]. Правда, если посмотреть на содержание переписки непредвзято, то, по мнению американского историка А.Л. Мута, "в письмах, адресованных Анне, сообщалось больше о вражеских планах, о чем она говорила о французских [35]. Представляется, что для королевы важен был сам факт переписки, дабы поддерживать свои силы и в этом находить выход из политической изоляции.

Фиаско заговора Анны Австрийской в августе 1637 г. означало крушение её клиентелы и окружение королевы только лицами, назначенными кардиналом. Герцогиня де Шеврез успела бежать в Испанию; гофмейстерина королевы маркиза де Сенесе, фрейлина Мария де Отфор и принц де Марсийак были высланы. Подверглись наказаниям, вплоть до заключения в Бастилию, и иные придворные королевы. Сама Анна, не без помощи Ришелье, с трудом получив прощение Людовика XIII, отказалась от борьбы, вскоре оказавшись обремененной двумя детьми – будущим Людовиком XIV (1638) и герцогом Филиппом Анжуйским (1640; королеве в этом году исполнилось 39 лет...) [36].

Целью интриг царствующей королевы было смещение главного министра кардинала Ришелье, который сумел в течение многих лет поддерживать положение хронической ссоры королевской четы, а также разделил всю королевскую семью, заставив ближайших родственников короля скитаться в эмиграции или пребывать в ссылке. Личные претензии

Анны Австрийской смешивались с политическими. Королева-испанка находила унижение в том, что Ришелье диктовал ей свои условия, тем самым оскорбляя ее королевское величество младшего венценосца. Пытаясь сначала удалить Ришелье посредством дворцового переворота с выдвижением своей креатуры на его пост, королева затем выбрала дипломатический путь устранения кардинала, который также оказался неудачным. Анна Австрийская своими действиями стремилась не столько угодить Испании, сколько Франции, желая возвращения из эмиграции королевы-матери Марии Медичи, брата короля Гастона Орлеанского и их свиты, а также своих ссыльных придворных из провинции. Это возвращение, по ее замыслу, принесло бы мир в королевство и помогло бы убедить короля прекратить войну против Испании. Идеалом королевы был мир между родственными домами Бурбонов и Габсбургов, что противоречило интересам Франции. Путём возвращения влияния при дворе Анна хотела также облагодетельствовать своих клиентов, которые пострадали за свою верность.

Дворянство продолжало считать, что его благополучию при дворе и его союзу с королем мешает только фигура первого министра, который заставлял короля приносить бесконечные жертвы ради укрепления своего положения. Непосредственная служба королю зачастую противопоставлялась службе кардиналу и наоборот, отождествлялась службой у обеих королев и Гастона Орлеанского. Ларошфуко выразил мнение всех своих соратников, говоря о "природной ненависти" к правлению кардинала.

Двор так и не смог поверить в двуглавую монархию – государство короля и кардинала, поэтому после очередных неудач со смещением Ришелье, королевское наказание воспринималось очень болезненно, хотя законодательство Людовика XIII рассматривало мятежи и заговоры как

преступления, угрожающие персоне короля, а его участников признавало виновными в оскорблении королевского величества (*Leze-Majeste*) [37].

Корона провоцировала создание придворных оппозиционных фракций также тем, что усиливала абсолютистский диктат, но, ограничивая прерогативы дворянства, связанные с материальными и прочими интересами, не смогла в тоже время обеспечить всех желающих службой при дворе, в армии или королевской администрации. Свои чаяния мятежники пытались реализовать через своих патронов и часто подталкивали их к конспирации [38].

Несмотря на постоянные победы политического курса Людовика XIII и кардинала Ришелье, совершенствование абсолютистской практики, придворный сепаратизм еще не смог себя исчерпать, что показали последующие события Фронды. По иронии судьбы подавить Фронду выпало Анне Австрийской, неизменной противнице Ришелье, ставшей регентшей Франции в малолетство своего сына и успешно воспользовавшейся политическими уроками выдающегося министра [39].

Примечания

1. *Memoires sur la detention du Comte de Cramail, faits le 23 octobre 1636* // Avenel D., ed. *Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat du cardinal de Richelieu*. T.V. Paris, 1863. P.330.
2. *Lustrier S. Description sommaire de la cour de France 2 fevrier 1631* // Fagnier G. *Le pere Josephe et Richelieu*. Paris, 1894. T.1. Appendice. P.500.

3. Tapie V.-L. La France de Louis XIII et de Richelieu. Paris, 1967. P.176; Le Roy Ladurie E. L'Ancien regime. T.1. Absolutisme en vrai grandeur (1610-1715). Paris, 1991. P.74.
4. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964. С.396.
5. Tapie V.-L. Comment les Francais voyaient la Patrie // XVIIe siecle. № 25-26. 1955. P.45.
6. Люблинская А.Д. Франция в первой трети XVII в. М.-Л., 1965. С.341.
7. Jouanna A. Le devoir de revolte. La noblesse francaise et la gestation de l'Etat moderne. 1559-1661. Paris, 1989. P.256-257.
8. Parott D. Richelieu, the grands, and the French army // Bergin J., Brockliss L., ed. Richelieu and his age. Oxford, 1992. P.172-173.
9. Bourquin L. Noblesse seconde et pouvoir en Champagne aux XVI et XVII siecles. Paris, 1994. P.24-25.
10. См.: Mongredien G. 10 novembre 1630. La journee des dupes. Paris, 1961.
11. Grillon P., ed. Les papiers de Richelieu. T.VI. Paris, 1985. P.99-100.
12. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. СПб., 1993. С.9-10.
13. Там же. С.11.
14. Копосов Н.Е. Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. №1. С.54.
15. Шишкин В.В. Знатные дамы при дворе Анны Австрийской и политическая борьба во Франции в 30-40-е гг. XVII в. // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С.132-141.
16. Dulong C. Anne d'Autriche. Paris, 1985. P.20.
17. Deveze M. L'ambassade a Paris du marquis de Mirabel. 1620-1632 // Actes du 94-e congres national des societates savantes. Section d'histoire moderne et contemporaine. T.1. Paris, 1971.

18. Kleinman R. Anne of Austria, Queen of France. Columbus, 1985. P.72.
19. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. С.11.
20. Memoires du comte de La Chatre // Nouvelle collection des memoires. Ed. Michaud et Poujoulat. 3-e serie. T.3. Paris, 1838. P.271.
21. Memoires du comte de Brienne // Nouvelle collection des memoires. Ed. Michaud et Poujoulat. 3-e serie. T.3. Paris, 1838. P.71.
22. Cardinal de Richelieu. Testament politique. Ed. L.Andre. Paris, 1947. P.370.
23. Constant J.-M. Les conjurateurs. Paris, 1987. P.115.
24. Шишкин В.В. Дворянское окружение Людовика XIII // Французский ежегодник, 2001. М., 2001. С.97-117.
25. Memoire de M. le cardinal contre M. de Chateauneuf // Cousin V. Madame de Chevreuse. Appendice. Paris, 1856. P.238-239; Memoires de Mme de Motteville sur Anne d'Autriche et sa cour. T.1. Paris, 1855. P.51-54.
26. Cardinal de Retz. Memoires // Ibid. Oeuvres. Paris, 1984. P.134; Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С.12-13, др.
27. Cardinal de Richelieu. Testament politique. P.365-367.
28. Constant J.-M. Une groupe sociologique strategique dans la France de la premier moitie du XVII siecle. La noblesse seconde // Ed. Contamine Ph. L'Etat et les aristocraties. XII-XVII siecles. France, Angleterre, Ecosse. Paris, 1989. P.296.
29. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. С.15.
30. Cardinal de Richelieu. Testament politique. P.369.
31. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. С.13.
32. Шишкин В.В. Мужчины в доме французской королевы XVI-XVII вв. // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.-СПб., 2001.

- 33.Шишкин В.В. Следствие по делу королевы Анны в 1637 г. (Приложение: Кардинал де Ришелье."Описание того, что произошло по делу королевы в августе 1637 г."; Заявление королевы Анны от 17 августа 1637 г.; Новое заявление королевы от 22 августа 1637 г.; Копия памятной записки короля от 17 августа 1637 г.) // Право в средневековом мире. Вып.2-3. / Сборник статей под ред. О.И.Варьяш. – СПб., 2001. С.173-188.
- 34.Chevallier P. Louis XIII. Paris, 1989. P.530.
- 35.Moote A.L. Louis XIII, the Just. London, Los Angeles, 1989. P. 279-280.
- 36.Шишкин В.В. Следствие по делу королевы Анны в 1637 г. С.173-188.
- 37.Bonnefin A. La monarchie francaise (987-1789). Paris, 1989. P.246.
- 38.Шишкин В.В. Корона и двор во Франции эпохи раннего нового времени // Известия Алтайского государственного университета. № 3(8). Барнаул, 1998. С.14-16.
- 39.Шишкин В.В. Письма Анны Австрийской в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Вступительная статья, публикация и комментарии // Средние века. Вып.60. Москва, 1997. С.420-438.